

Услышав эти слова, Янь Сюнь опустил взгляд на свою почти полностью обнаженную грудь. Он на мгновение побледнел. Он поспешно привел одежду в порядок и, не отрывая взгляда от Сяо Юэбая, произнес:

— Канцлер Сяо, отпусти Синчжи.

Сяо Юэбай лишь насмешливо фыркнул:

— Ваше Величество, вы сейчас стоите передо мной с пустыми руками. Что вы можете предложить в обмен на жизнь вашего драгоценного Хань Ши?

— Я... — Янь Сюнь осекся.

Все было именно так, как сказал Сяо Юэбай. Император был полностью в его власти, на совете превратившись в безвольную марионетку. О каких деньгах или сокровищах могла идти речь? Захоти Сяо Юэбай вывезти из дворца всё подчистую, Янь Сюнь не смог бы ему помешать.

Заметив печаль на лице императора, Сяо Юэбай почувствовал мимолетный укол жалости. Он склонился ниже, скользнул взглядом по чуть припухшим губам юноши и прошептал:

— Ваше Величество, я буду оберегать вас. Я не позволю никому вас обидеть. Забудьте о Хань Ши. Думайте только обо мне.

Янь Сюнь взошел на престол меньше года назад. В детстве, из-за низкого происхождения матери, он терпел бесконечные издевательства, и лишь когда его родительница сумела очаровать покойного императора и возвыситься до ранга Благородной наложницы, его жизнь стала спокойнее. Но с того дня Благородная наложница Хань была слишком занята: она плела интриги и заискивала перед государем, почти не уделяя времени сыну — они даже обедали вместе крайне редко.

И теперь этот человек, который вертел им как хотел и силой вынуждал выйти за себя замуж, с притворным сочувствием обещает «оберегать» его? Это было верхом абсурда. Чем Сяо Юэбай отличался от тех, кто мучил его в детстве?

Янь Сюнь вдруг отчетливо, звонко рассмеялся. Отсмеявшись, он отступил к дверям камеры и холодно бросил:

— Ты и есть тот «чужой».

«Тот самый, кто будет мучить меня больше всех».

Сяо Юэбай мгновенно понял подтекст. Он разгневался, но промолчал. Стремительно сократив

дистанцию, он железной хваткой вцепился в запястье Янь Сюня и оттащил его подальше от Хань Ши, отпустив лишь в десяти шагах.

До этого момента Янь Сюнь не мог разглядеть пленника как следует, но теперь ужасающее зрелище предстало перед ним во всей полноте.

Император прослезился. Он, пошатываясь, подошел к другу и едва слышно позвал:

— Синчжи...

Хань Ши бессильно опустил голову. Спутанные волосы липли к шее, покрытой густой сетью кровавых рубцов. Он казался мертвецом, и лишь спустя долгое мгновение раздался едва слышный, прерывистый шепот:

— А-Сюнь... зачем ты здесь? Уходи... скорее уходи.

Янь Сюню исполнилось пятнадцать, когда его отец, император Вэнь, скончался, так и не успев дать сыну «цзы» — почетное имя. Поэтому то, что Хань Ши называл его просто «А-Сюнь», подчеркивало их глубокую близость. В конце концов, кто еще посмел бы называть императора по имени?

Скрытое раздражение Сяо Юэбая росло, но он не проронил ни слова. Вместо этого он снова принялся неспешно потягивать Мондин Ганьлу. Этот чай не зря называли «сладкой росой» — он отличался исключительной чистотой и мягкостью вкуса. Осушив чашку, канцлер ослепительно улыбнулся императору и Хань Ши:

— Ваше Величество, господин Хань, не желаете ли составить мне компанию?

Сяо Юэбай был наделен поразительной красотой. В этой мрачной, сырой камере, где то и дело раздавались крики истязаемых, его улыбка казалась неуместной — она словно заливала всё вокруг невозможным, ярким светом, создавая иллюзию, будто они находятся не в застенках, а в изысканном павильоне для ученых бесед.

Янь Сюнь, собравшись с духом, проигнорировал канцлера. Он смотрел только на друга.

— Синчжи, ты как?

Хань Ши с трудом перевел дух:

— Со мной всё... в порядке.

На нем не осталось и живого места — сплошные раны и запекшаяся кровь. Без немедленной помощи целителей он долго не протянет. Услышав это «в порядке», Янь Сюнь лишь сильнее пал духом.

После долгого колебания он снова подошел к Сяо Юэбаю и с мольбой в голосе произнес:

— Канцлер Сяо, умоляю, отпусти Синчжи.

Сяо Юэбай вскинул брови. Он посмотрел на него с порочным предвкушением. Он придвинулся к самому уху императора и мимоходом коснулся языком его мягкой мочки.

Янь Сюнь вздрогнул всем телом. Ощущение было такое, словно по коже скользнуло змеиное жало — еще мгновение, и ядовитые зубы вопьются в плоть, неся смерть. Предчувствие не обмануло: Сяо Юэбай собственническим жестом обхватил его за талию и интимно прошептал:

— Ваше Величество, как насчет того, чтобы поехать сегодня со мной в поместье? Если этой ночью вы услужите мне как следует и я останусь доволен... завтра же ваш Синчжи будет на свободе. Как вам такое предложение?

«Гу...» — Янь Сюнь замер.

Через три дня он и так должен был стать «женой» этого человека. Рано или поздно Сяо Юэбай всё равно возьмет то, что хочет. Так не лучше ли согласиться сейчас, если это спасет жизнь Хань Ши?

Он бросил взгляд на умирающего друга, набрал в грудь воздуха, собираясь ответить, но Сяо Юэбай вдруг спросил:

— Ваше Величество, не хотите ли чаю?

Канцлер собственноручно наполнил чашу Мондин Ганьлу и протянул её императору. Затем он отстранился, снова вальяжно откинулся на мягкую кушетку и с обманчиво кротким видом произнес:

— Ваше Величество, чай немного остыл. Прошу, не взывайте с вашего покорного слуги.

Растерянный Янь Сюнь принял чашу и выпил чай одним глотком.

Сердце его бешено колотилось от тревоги. Он не понимал, какую игру ведет Сяо Юэбай, и потому, даже когда теплая влага скользнула по языку и потекла в желудок, он не почувствовал вкуса.

Оба замолчали. Тишину подземелья нарушало лишь тяжелое, хриплое дыхание Хань Ши, из последних сил боровшегося с болью.

Внезапно Сяо Юэбай постучал костяшками пальцев по краю столика и обратился к ожидавшему в стороне Лу Цзычжао:

— Цзычжао, проводи Его Величество обратно во дворец.

Янь Сюнь оцепенел. Только что канцлер, как последний подлец, шантажировал его жизнью друга, требуя провести с ним ночь, а теперь внезапно приказывает Лу Цзычжао вернуть его в покои. В чем подвох? И что будет с Синчжи, если он сейчас уйдет?

Он крепко сжал кулаки, намереваясь снова просить за Хань Ши, но Сяо Юэбай опередил его:

— Цзычжао, сними господина Ханя. Доставь его во дворец вместе с императором. И пригласи лекаря из Императорской лечебницы — пусть займется им как следует.

— Канцлер Сяо... — Янь Сюнь хотел спросить, почему тот так внезапно сменил гнев на милость, но слова застряли в горле. Сяо Юэбай был человеком настроения, непредсказуемым и опасным. Если он решил проявить милосердие — лучше не искушать судьбу лишними вопросами.

Лу Цзычжао распорядился снять Хань Ши. На носилках израненного чиновника вынесли наружу. Он был уже в полузабытьи, но, когда его пронесли мимо императора, он отчетливо выдохнул: «А-Сюнь».

Лу Цзычжао почтительно склонился перед государем:

— Ваше Величество, прошу за мной.

Янь Сюнь бросил последний, полный смятения взгляд на Сяо Юэбая и, не раздумывая больше, поспешил прочь из камеры.

Скорее. Подальше от Сяо Юэбая. Как можно дальше.

Вскоре в тесном, душном подземелье остался лишь канцлер. Вдыхая тяжелый запах крови, он негромко рассмеялся, допил остатки чая из чайника и, подхватив белый бумажный фонарь, вышел в темноту коридора.